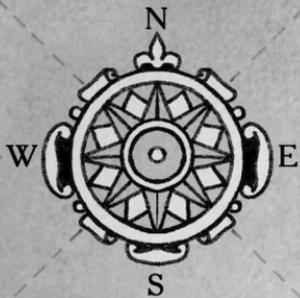


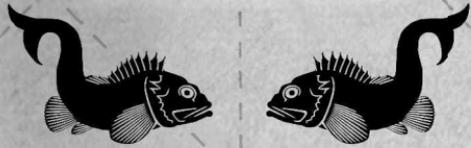
Джону — за то, что подарил мне мир.
И Саре — за то, что всегда освещала мне путь домой.



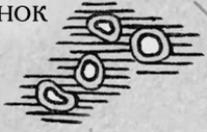
Острова
Пенери



Алтийское море



Плавучий
рынок



Кувен



Вариния





ГАЛЕТ

МЕРАДИН

ПОРТОВЫЙ
РЫНОК

СЕВЕР, ОТДАННЫЙ
ИЛАРИАНЦАМ

РЕКА ИЛАРИЯ

ИЛАРИЯ

НОВЫЙ
ЗАМОК

СТАРЫЙ
ЗАМОК

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ
ГРАНИЦЫ

ПИРОТ

ОЗЕРА ЛИНРОУЗ

ТЕРРИТОРИЯ
ЖЕНЩИНЫ-КОРОЛЯ



1



Иногда я задаюсь вопросом: имена ли предопределили наши судьбы или же наоборот? Нора и Зейди: коралл и жемчужина. И то и другое драгоценно для нашего народа, и то и другое достаточно хорошо, чтобы украшать шеи королев. Однако жемчужина ценится за свой блеск, свою форму, свою безупречность, а с кораллом дела обстоят иначе. Он растет, разветвляясь. В естественном виде его совсем нельзя назвать красивым.

И все же мы с Зейди родились равными по красоте, изяществу и сообразительности. Мы были, по мнению старейшин, милейшими среди всех малышей, когда-либо рожденных в Варинии. Мама гордо катала нас в семейной деревянной лодке, где мы с Зейди провели большую часть своего детства. Она надевала на нас широкополые шляпы, чтобы избежать солнечных ожогов на нашей оливковой коже; она заставляла отца шлифовать острые края нашей мебели; ни единый темный волосок с наших голов не был принесен в жертву ножницам. Каждый вечер она осматривала наши ссадины или царапины, а затем отчитывала нас, чтобы мы были осторожнее, пока втирала масла и целебные мази.

В конечном счете варинийки были одарены столь же богатым разнообразием волос, каким было разнообразие рыб в наших водах: от прямых до кудрявых, от цвета льна до цвета эбенового дерева. А наша кожа была гладкой и здоровой при любом оттенке от золотистого до цвета обожженной меди, красота в нашей деревне была возведена в культ. Черты лица девушки должны быть симметричными и с правильными пропорциями, кожа — сияющей, взгляд — лучистым, пытливым, но ни в коем случае не слишком прямым. Ее внешность всегда должна быть безупречной независимо от времени и места. Чтобы поистине выделиться на фоне остальных, девушка должна быть не иначе как совершенством. Ведь в Варинии быть красавицей являлось не просто удачей. Раз в поколение определялось, кто из нас станет принцессой.

— Нора! — завопила Зейди, оттаскивая меня от края лодки, где я балансировала на одной ноге. — О чем ты только думаешь? Нельзя допустить, чтобы ты сейчас поранилась.

Я почесала голову, которую саднило от того, что мама слишком туго заплела мне волосы в качестве наказания за то, что вчера я забыла свою шляпу. Она вечно переживала из-за того, что солнце сделает наши шелковистые волосы ломкими или — не дай бог — проявит веснушки, но сейчас сердитое урчание моего пустого живота было достаточно громким, чтобы заглушить пронзительный голос мамы в моей голове. Мы часами выискивали устриц, но безрезультатно. Зейди, неизменно послушная дочь, оттолкнула мою руку.

— Пожалуйста, ради мамы, веди себя как полагается. Ты же знаешь, как она переживает насчет церемонии.

Церемония. А когда мама не волновалась об этом? Сколько безоблачных дней, проведенных в тени нашего бревенчатого домика на сваях, сколько упущенных возможностей понырять за жемчугом из-за того, что на море сильно бушевали волны... Этим я обязана церемонии и маминой одержимости.

— Наше королевство безгранично, — любил повторять отец, стоя на узком балконе, закрывая рукой глаза от солнца и охватывая взглядом горизонт. Возможно, для него это было правдой, но наша жизнь служила постоянным напоминанием о том, что однажды наследный принц Иларии достигнет брачного возраста. И как было в течение нескольких сотен лет, так и сейчас старейшины в конечном счете выберут ему в невесты самую прекрасную девушку Варинии. Последняя девушка покинула нас двадцать лет назад, когда нынешний король был еще принцем, а стайки рыб — намного плотнее. Но мама уверила нас, что она и наполовину не обладала такой красотой, как Зейди и я. До случившегося она поддразнивала старейшин, что им придется отправить принцу нас обеих и позволить ему самому выбирать, поскольку мы были столь же неотличимы, как серебристые рыбки-перышки.

Сейчас, конечно, было понятно, кого отправят. Небольшой розовый шрам на моей правой скуле стал единственным, что отделяло меня от короны. В любом другом месте моего тела несовершенство размером с варинийскую жемчужину можно было бы и не заметить, но на фоне безупречной кожи Зейди эту неровную отметину не заметить было трудно. К счастью, у меня было семь лет после случившегося для того, чтобы подготовиться, семь лет сравнительной свободы от постоянной суеты нашей мамы. Во всяком случае, по сравнению с Зейди.

Я плюхнулась обратно на подушки на дне нашей лодки и подняла лицо к испещренному облаками небу.

— Ты готова к этому? — спросила я.

— К чему? — с напускным непониманием спросила Зейди, натягивая свою юбку на открытые лодыжки.

— Покинуть Варинию. Оставить маму и Сэмиэля.

Оставить меня.

— Ты не знаешь, выберут ли они меня. Ты такая же красивая, как и я, и ты никогда не болеешь. И до меня дошли слухи, что Элис тоже рассматривается.

Я скептически приподняла бровь.

— Мама говорит, что даже со своим шрамом я красивее, чем когда-либо будет Элис. Как же она сказала? «Стоит только Элис улыбнуться, и принц побежит за нянькой при виде ее кривого зуба».

Зейди нахмурилась.

— Маме не стоит говорить такие вещи. Элис ничего не может с этим поделать.

— Как и мама, — сказала я, взглянув искоса.

Зейди потянула за одну из веревок, свисающих с борта лодки, хмуро поглядывая на крошечную рыбку, болтающуюся на конце. Уже несколько лет в наших водах вылов рыбы превосходил все мыслимые пределы, хотя никто, казалось, не желал этого признавать. Зейди бережно положила переливающееся чудо на ладонь, сняла крючок и забросила рыбку обратно в море. Она была слишком мелкой для еды. Впрочем, мы могли бы использовать ее в качестве приманки, если бы тут можно было поймать что-то крупнее.

— Я знаю, что с мамой бывает нелегко, но она просто хочет для нас лучшего, — спустя какое-то время сказала Зейди. — Того, чего она сама была лишена.

Полдюжины едких комментариев всплыли в моей голове, но я прикусила язык.

— Возможно, ты права.

И хоть я никогда ей не говорила, но знала наверняка, что Зейди будет избранной; единственной из нас, кто когда-либо ступит на землю — то, о чем я мечтала с самого детства. Со шрамом или без шрама, я никогда не была настолько красивой, как Зейди. В Варинии мы всегда искали несовершенства, будь то в жемчужинах или в людях, а Зейди всегда замечала только хорошее. Буквально на прошлой неделе, пока я горевала об ущербе, нанесенном нашему дому прошедшей бурей, Зейди наблюдала за небом, выискивая радугу.

И даже когда нашей маме было совсем плохо, Зейди могла найти хорошие слова, чтобы ее поддержать.

Я никогда не смогла бы стать такой хорошей, я не обладала таким чистым сердцем. И с этим было тяжелее всего смириться.

— Я собираюсь поплавать, — сказала я, жалея, что не могу сбросить с себя мысли так же легко, как юбки.

Зейди тревожно осмотрелась вокруг. Как юные леди на выданье, мы не должны были появляться на людях босоногими, но нырять в юбке было не просто сложно — это было опасно. Раньше, когда устриц было в изобилии, ныряли в основном юноши. Но сейчас девочки и женщины по возможности им помогали. А в нашей семье, учитывая ежедневную рыбалку отца и отсутствие братьев, других вариантов, как распределить работу, не оставалось. Даже мама не могла много жаловаться, она знала, как сильно нам нужны были дополнительные деньги.

— Ты идешь? — спросила я.

— Соль высушит нашу кожу. И мама об этом узнает.

Я поставила руки на бедра и ухмыльнулась.

— Последний, кто найдет устрицу, должен будет сегодня готовить ужин.

По правде говоря, мы не могли позволить себе вернуться домой с пустыми руками. Не могли, если хотели поесть на следующей неделе. Но было проще притвориться, что все это было игрой, той, в которой на кону не стояли жизнь или смерть.

— Готова?

Она покачала головой, но ее пальцы уже были заняты развязыванием своей юбки и стягиванием туники, чтобы прикрыть бедра.

— Ты жестока, — сказала она, а затем спрыгнула с лодки в прозрачную воду.

Я нырнула вслед за Зейди и пронеслась мимо нее ко дну. Нарастающее в ушах давление заглушило мой слабый внутренний голос, шепнувший: «Я знаю».

Несколькими часами позднее я помешивала в горшочке водянистое рыбное рагу на огне. Когда Сэмизль вошел в дом, его тело все еще блестело от морской воды после плавания. Сэми был нашим лучшим другом и единственным мальчиком в деревне, который осмелился играть с нами в детстве. Мало того, что наша мама была

строгой сверх меры, так еще и отец наш был лучшим другом губернатора. Однако Сэми был освобожден от маминых нагоняев, поскольку его отцом как раз и был губернатор.

— Только не говори мне, что Зейди нашла устрицу быстрее тебя, — поддразнил он. Сэми любил соревноваться так же, как и я, но Зейди сегодня повезло. Устрица лежала на небольшом столике из коряг, уже очищенная и, к сожалению, без жемчужины.

Наша главная валюта, очень редкие розовые жемчужины, которые можно было найти только в водах Варинии, в последнее время также стала редкостью из-за того, что аппетит иларийцев к жемчугу продолжал расти. Жемчужины шли на украшения для знати, а также их измельчали и добавляли в кремы для кожи и декоративную косметику. В большинстве варинийских семей имелась небольшая баночка с целебной мазью из жемчуга, но ее следовало беречь на крайний случай, так как многие из нас были здоровы от природы, проводя столько времени в наших водах, которые, как поговаривали, как раз и делали жемчуг таким особенным. После случившегося мама ежедневно наносила крем на мой шрам в надежде максимально его скрыть, но в итоге прекратила, когда поняла, что он никогда полностью не исчезнет.

Сэми бросил потускневшую медную пуговицу на стол рядом с пустой створкой устрицы.

— Смотри, что у меня есть для Зейди.

Я неодобрительно *цыкнула*. Согласно закону, Илария была нашим единственным торговым партнером, поставляющим нам все, что не могло предоставить море: одежду, фрукты и овощи, инструменты, книги, бочки и питьевую воду. Даже дрова нам доставляли из Иларии. Но Сэми был исключением из правила. Он часто торговал тайно — и противозаконно — с нашими кузенами, галетянами. Более века назад небольшая группа варинийцев, рискуя своими жизнями, ступила на землю, а затем сбежала на север с табуном украденных иларийских лошадей. Эти лошади

стали основой галетской культуры, в то время как волны сформировали нашу.

Иларийцы прозвали нас «детьми волн». И именно так они к нам и относились: как к детям.

Иларийцы имели доступ к богатствам, о которых мы могли только мечтать, — не только к питьевой воде и еде, но и к современному оружию и тысяче мужчин. Порой отчаявшийся вариниец пытался высадиться на иларийской земле в поисках более легкой жизни вдали от капризов моря, но с ним обычно оперативно и решительно справлялись солдаты, патрулирующие береговую линию. Возможно, кому-то это и сошло с рук, но пойманного перебежчика ждала неминуемая гибель — в Иларии могли устранять наших людей быстро и без всякого суда и следствия. Ведя с нами дела, они ясно давали понять, что любое нарушение закона Иларии грозит скорой и бесславной смертью.

Я ткнула пуговицу с напускным безразличием, хотя на самом деле меня восхищало все с земли.

— И что же Зейди будет делать с этой пуговицей? Будет застегивать с ее помощью свои брюки, которые не носит?

— Я шью для нее плащ, который она возьмет с собой, когда уедет. В Иларии ей будет холодно.

Сэми не хуже меня знал, что Зейди будет избрана на церемонии. Для него это было так же тяжело, как и для меня, потому что он тоже ее любил. Всегда любил. Я подзревала, что Зейди отвечала ему взаимностью, но они оба знали, что однажды она уедет, чтобы выйти замуж за принца, и поэтому их отношения не могли быть чем-то большим, чем дружба.

— Это так трогательно, — сказала я, — но тебе не следует торговать с галетянами. Если тебя поймают, то повесят.

— Тогда, я полагаю, меня не поймают, — улыбнулся он, обнажив зубы, белые как ракушки на фоне своей загорелой кожи. У юношей не было таких проблем, как у варинийских девушек, по крайней мере, когда дело касалось шрамов и ожогов. Но им приходилось обеспечивать свои семьи, хоть это становилось все труднее. В прошлом году двух